

М.В. Орлова (Москва, Россия)

Аспектуальная характеристика французских глагольных форм passé composé и особенности их употребления в нарративном тексте (на примере романа А. Нотомб «Les Catilinaires»)

Аннотация: Статья посвящена исследованию глагольных форм passé composé с точки зрения их аспектуальной семантики. На примере романа современной французской писательницы А. Нотомб рассматривается вопрос о влиянии аспектуальных значений завершенности / незавершенности и делимости / неделимости на выбор формы со значением однократного действия в прошлом в нарративном тексте художественного произведения. Оппозиции passé composé и passé simple как временных форм, используемых в нарративном тексте, дается комплексная характеристика. Выявляется взаимосвязь видовых характеристик глагольных форм passé composé и passé simple и их соотношения с моментом речи и фигурой говорящего-повествователя, а также с различными планами высказывания. Особенное внимание уделяется потенциалу этих двух форм прошедшего времени как маркеров различных композиционных частей художественного текста.

Ключевые слова: глагольные времена, passé composé, passé simple, аспектуальные значения, значение завершенности, значение делимости, планы высказывания

M.V. Orlova (Moscow, Russia)

Aspectual Properties of the French Verb Tense passé composé and the Particularities of Its Use in Narrative Text (Based on the Material of the Novel “Les Catilinaires” by A. Nothomb)

Abstract: The article investigates passé composé in the context of its aspectual semantics. On the example of ‘Les Catilinaires’, a novel by a modern French writer A. Nothomb, this study considers the influence of such aspectual meanings as accomplished / unaccomplished and divisibility / non-divisibility on the use of different verb tenses that can express a single action in the past in the narrative text of literary fiction. A complex characteristics is given to the opposition between ‘passé composé’ and ‘passé simple’, two tenses that are used in narrative text. It reveals the correlation between, on the one hand, aspectual properties of ‘passé composé’ and ‘passé simple’ and, on the other hand, the speech time, the narrator and different kinds of utterance. Special

attention is given to the possibility of using these two past tenses in order to mark out different compositional parts of a fictional text.

Keywords: verb tenses, passé composé, passé simple, aspectual meanings, accomplished aspect, secant aspect, planes of utterance

Известно, что во французской литературной традиции принято использовать в качестве основного времени, в котором ведется повествование (*le temps du récit*), либо настоящее время, либо одно из двух прошедших – *passé simple* или *passé composé*. Эти формы противопоставлены Э. Бенвенистом в работе «Отношения времени во французском глаголе» как принадлежащие «плану истории» (*plan du récit*) и «плану речи» (*plan du discours*) соответственно. Согласно такому подходу *passé simple* и *passé composé* в норме не должны функционировать в рамках одной коммуникативной ситуации. Поэтому особенный интерес представляют случаи, когда внутри нарративного текста, который, по определению Ж. Жене́тта, «выполняет функцию рассказа о событии или о последовательности событий» [Genette 1972: 71], чередуются формы этих двух времен. В первую очередь это может быть связано с аспектуальными значениями глаголов, то есть с тем, как в речи говорящего представляется «характер протекания действия» [Бондарко, Буланин 1967: 50].

В статье нас будут интересовать два аспектуальных значения в глагольной системе французского языка: значение завершенности, противопоставляемое значению незавершенности (*aspect accompli / aspect inaccompli*), и значение делимости, противопоставляемое значению неделимости (*aspect sécant / aspect global*). Значение завершенности, присущее сложным глагольным формам, т. е., в частности, *passé composé*, но не *passé simple*, подразумевает переход от изначальной ситуации к новой, которую «возможно осознать как сменившую во времени другую ситуацию или состояние, которое существовало раньше» [Guillaume 1965: 21]. Значение делимости предполагает отсутствие у процесса четкой конечной границы и возможность мысленно разделить его на две части: «реальную и четкую», которая осуществляется в том или ином временном плане действительности, и «виртуальную и размытую» [Riegel, Pellat, Rioul 2009: 522], которая существует только потенциально и поэтому не имеет каких-либо конкретных характеристик.

В качестве материала для исследования был выбран роман современной французской писательницы А. Нотомб «*Les Catilinaires*». В этом тексте отчетливо прослеживаются две интересные закономерности, связанные с употреблением *passé simple* и *passé composé*. Первое из этих двух явлений имеет отношение к композиционной структуре текста, тогда как второе непосредственно связано с образом повествователя в романе.

1. PASSÉ COMPOSÉ В «РАМОЧНОМ» ТЕКСТЕ РОМАНА

В первую очередь наше внимание привлёк тот факт, что формы *passé composé* и *passé simple* играют в романе «*Les Catilinaires*» композиционно значимую роль: с их помощью маркируется переход от композиционной «рамки» произведения к «ядру», т. е. рассказу о ключевых событиях, и обратно к «рамочному» тексту. Вкратце структуру романа можно представить так: в первой части «рамки» читатель видит героя-повествователя и его жену, ведущих уединенный образ жизни, а в «ядре» романа они знакомятся со своим соседом и в связи с этим знакомством попадают в сложную этическую ситуацию. «Ядро» завершается смертью соседа, которая ста-

новится своеобразным решением этой нравственной проблемы, и во второй части «рамки» мы снова видим уединенное и мирное существование героев.

Композиционная структура произведения выявляется не только в сюжете, но и в распределении временных форм: если в «рамке» встречается всего одна форма *passé simple*, то в «ядре», напротив, можно насчитать только 25 форм *passé composé* в нарративном тексте (при этом текст «ядра» почти в 20 раз объемнее текста «рамки»). Количественное соотношение форм *passé simple* и *passé composé* в нарративном тексте романа представлено в таблице 1.

Таблица 1

	PS	PC	Процент PC
Рамка (1 часть)	1	35	97%
Ядро	864	25	3%
Рамка (2 часть)	0	6	100%

Таблица наглядно демонстрирует преобладание форм *passé simple* в «ядре» и *passé composé* в «рамке» романа. В обоих случаях базовые формы составляют почти 100% от общего числа форм со значением однократного действия в прошлом. Такое соотношение временных форм связано с их аспектуальными значениями.

Часть форм *passé composé* в рамочном тексте имеет видовое значение завершенности (пример взят из первой части «рамки»):

(1) Nous n'avons pas hésité un instant. En une heure, la maison est devenue la Maison.

Внимание читателя привлекается к тому, что изначальная ситуация сменилась новой: понравившийся героям дом после покупки стал для них «Домом» с большой буквы. Без сомнения, с учетом значения результативности *passé composé* выглядит здесь значительно органичнее, чем выглядело бы *passé simple*, поскольку, «употребляя *passé simple*, говорящий рассматривает процесс в прошлом вне зависимости от его последствий, тогда как в случае употребления *passé composé* говорящий рассматривает одновременно и процесс в прошлом, и ситуацию, которая стала его следствием в настоящем» [Gosselin 1996: 206–207]. Действительно, повествователю, как и адресату-читателю, важен не столько сам факт перехода от ситуации «Герои не воспринимают дом как Дом с большой буквы» к ситуации «Герои воспринимают дом как Дом с большой буквы», сколько вторая ситуация – следствие этого перехода, обозначенного с помощью глагола в форме *passé composé*.

Похожий пример встречаем на последних страницах романа, во второй части «рамки»:

(2) La maison des Bernardin est devenue claire, propre et aérée.

Как и в предыдущем контексте, акцент делается на изменении первоначальной ситуации: грязный и запущенный дом соседей усилиями героев стал чистым и светлым, и именно таково его состояние на тот момент, когда повествователь рассказывает свою историю, – следовательно, для него это актуальная информация. Прежде чем закончить роман, повествователь стремится обрисовать статичную картину того, как выглядит их с женой мир после всех пережитых волнений, каковы результаты предпринятых ими действий, и для этой цели как нельзя лучше подходит *passé composé*, помогающее описать новую ситуацию, возникшую в результате изменения некоторого изначального состояния дел.

Приведем еще один пример из первой части «рамки»:

(3) Nous étions dans la même classe préparatoire. Le jour de la rentrée, nous nous sommes vus et nous nous sommes aimés.

Здесь повествователь рассказывает историю своего знакомства с будущей женой. Вполне естественно, что в обоих случаях его интересует в первую очередь состояние, ставшее результатом тех событий, которые описаны с помощью глаголов в *passé composé*.

Представляется, что аспектуальное значение завершенности подразумевает достаточно прочную связь прошедшего, о котором говорится, с настоящим, с моментом речи. Действие не завершается, не остается в прошлом в полной мере, «процесс рассматривается с точки зрения настоящего времени говорящего, поскольку называемое событие затрагивает это настоящее: событие из прошлого продолжается в настоящем времени говорящего за счет своих последствий» [Denis, Sancier-Chateau 1994: 279]. Таким образом, приведенные примеры из текста романа свидетельствуют о том, что значение завершенности позволяет форме *passé composé* служить для описания своего рода переходного состояния – прошедшего, смежного с настоящим в сознании говорящего.

Кроме того, в тексте «рамки» романа встречаются и другие случаи употребления *passé composé*, которые, хотя и не воплощают аспектуальное значение завершенности, по крайней мере в его традиционном понимании, также устанавливают связь между планом прошедшего и планом настоящего. Этот случай иллюстрируют примеры № 3 и № 4, взятые из начальной части рамки, и пример № 5, принадлежащий ее заключительной части.

(4) Juliette a toujours été ma femme; elle a aussi toujours été ma sœur et ma fille – bien que nous ayons le même âge à un mois près.

(5) Ce n'est pas que je me trouve mauvais ou médiocre, mais Juliette n'a jamais eu rien ni personne d'autre que moi.

(6) Ma blancheur a fondu et personne ne s'en est aperçu.

Во всех трех случаях описанное при помощи формы *passé composé* действие берет свое начало в прошлом, но воспринимается как имеющее продолжение, т. е. до сих пор актуальное. Однако мы не наблюдаем тут значения результативности, как в примерах № 1–3: смены ситуаций не происходит, напротив, создается ощущение, что называемый формой *passé composé* процесс продолжается, выходит за грань плана прошедшего и перетекает в план настоящего, а возможно, и будущего. Так, Жюльетта не только была женой повествователя, но и остается ею до сих пор; у нее не только раньше не было, но и до сих пор не появилось других близких людей; исчезновение «близны» рассказчика по-прежнему остается незамеченным.

Значение глагола, которое реализуется в этих примерах, можно соотнести с аспектуальным значением делимости, несмотря на то что в плане прошедшего оно, как правило, реализуется при помощи формы *imparfait*, а не *passé composé*. Действительно, процессы, названные в приведенных выше контекстах, вполне можно мысленно разделить на две фазы: первая из них реальна и относится к плану прошедшего (так, повествователь воспринимал Жюльетту как жену с момента их знакомства и вплоть до момента речи); вторая, напротив, существует только потенциально и выходит за границы сферы «прошлого» (он продолжает

воспринимать Жюльетту как жену в момент речи, и ничто не наводит на мысль о том, что это должно прекратиться). То же относится и к примерам № 5 и № 6.

Композиционная функция форм *passé composé* с таким значением очевидна: повествователь использует их именно в «рамочном» тексте, т. е. в рассказе о своей жизни с женой до знакомства с соседом и после его смерти. Особенно ярко это проявляется в начальной части «рамки», где повествователь рассказывает о своих взаимоотношениях с Жюльеттой: всё, что он может сказать о ней самой и об их счастливой совместной жизни, намеренно представляется как неизменное, актуальное практически в любой момент времени. Здесь было бы невозможно употребление *passé simple*, которое неизбежно воплощает значение неделимости, называет «полностью завершившийся факт, не связанный... с мыслью и опытом говорящего в данный момент» [Imbs 1968: 84], «закрывает» процесс в самом себе и, следовательно, в плане прошедшего.

Крайне характерен момент непосредственного перехода от «рамки» к «ядру» и его отражение в смене *le temps du récit*. Последняя из форм *passé composé*, используемых в нарративном тексте «рамки», служит для ввода прямой речи, и именно в этой реплике упоминается сосед, вокруг образа которого будет выстраиваться «ядро» романа. Как только сосед появляется в речи и, следовательно, в жизни героев, *le temps du récit* меняется, и следующая форма, которая используется для обозначения однократного действия в прошлом, – форма *passé simple*:

(7) En rentrant, j'ai observé :

– Tu vois, la cheminée du voisin ne fume pas.

<...>

Ma femme déclara que nous avions bien fait d'aller aux commissions le matin.

С этого момента и начинается текст «ядра», построенный почти исключительно на формах *passé simple* в полном соответствии с теорией Бенвениста: очевидно, «историей» для повествователя является именно рассказ о трагически завершившемся знакомстве с соседом. Исследователями неоднократно отмечалась органичность *passé simple* в повествовании о чередующихся друг друга происшествиях, где функция этой формы – «представлять события, составляющие интригу рассказываемой истории, то, что можно было бы назвать нитью сюжета» [Touratier 1996: 220]. Возможность такого употребления *passé simple* напрямую связана со свойственным ему аспектуальным значением неделимости, благодаря которому эта временная форма «создает синтетическое и компактное видение процесса» [Riegel, Pellat, Rioul 2009: 537], т. е. «представляет одновременно его начальную границу, весь ход его развития и конечную границу» [Denis, Sancier-Chateau 1994: 277], «показывает события как цельные, единые, определенные» [Curat 1991: 176]. Пользуясь формами *passé simple*, говорящий полностью разрывает связь между законченным действием в прошлом, которое таким образом становится «историей», и моментом речи.

В «рамке» же, напротив, все время отчетливо слышен голос повествователя. Нам представляется, что это в полной мере объясняется ее содержанием – изображением жизни главных героев, их взаимоотношений, в которые не вмешиваются никакие посторонние лица, гармонию которых ничто не нарушает. Идея «семьи», «дома», связанная с такого рода картинками, безусловно, представляется повествователю чем-то очень важным и личным, крайне близким ему, т. е. отнюдь не некоей «историей», по отношению к которой он мог бы быть более или менее беспристрастным рассказчиком.

В связи с этими соображениями нам кажется уместным процитировать рассуждения М. Барбазан о различных функциях *passé simple* и *passé composé* в нарративном тексте: по мнению исследователя, «употребление *passé simple* указывает на то, что говорящий решает отделить содержание текста от своей личной деятельности как повествователя» [Barbazan 2006: 165]. *Passé composé*, напротив, «становится на письме лингвистическим маркером речи и в некоторой степени сравнимо со звательным падежом: благодаря ему фигура повествователя материализуется, что тут же побуждает адресата включить ее в мысленное представление, которое составляется у него на основе текста» [Barbazan 2006: 164]. Это подтверждает наши предположения о тесной связи *le temps du récit* с образом повествователя и, как следствие, с композиционной структурой текста.

2. PASSÉ COMPOSÉ В «ЯДРЕ» РОМАНА

Кроме того, особенный интерес представляют те немногие формы *passé composé*, которые появляются в нарративном тексте «ядра» произведения. Помимо случаев, где выбор именно этих форм обусловлен грамматически и использование *passé simple* было бы невозможно (например, в придаточном предложении при глаголе в *présent* в главном), можно выделить особую группу контекстов, заслуживающих внимания. В таких контекстах формы *passé simple* и *passé composé* функционально равноценны, а с точки зрения стилистики формы *passé simple* были бы даже предпочтительнее, поскольку в рассказе о событиях прошлого автор пользуется именно ими.

Такие формы, находясь в непосредственном соседстве с *passé simple*, неизбежно привлекают внимание читателя. Следует отметить, что почти треть глаголов в таких контекстах (8 из 25 форм *passé composé* в «ядре», т. е. 32%) имеет форму 1 л. мн. ч. и служит для описания совместных действий главного героя и его жены, создавая контраст с действиями окружающих:

- (8) Il n'était ni 3 h 59 ni 4 h 01 quand on frappa à la porte.
Juliette et moi avons échangé le regard des premiers chrétiens livrés aux lions dans une arène.
Monsieur Bernardin me donna son manteau et alla prendre possession de son fauteuil.

- (9) À la tombée du soir, nous avons reconduit madame Bernardin chez elle. Nous sommes entrés sans frapper. Le mari nous gratifica d'un: «Et si elle est malade, ce sera votre faute!»

Здесь играет роль, очевидно, не только состав участников действия, но и оценка, которую дает ему повествователь. Так, действия героя с женой по спасению соседки от деспотизма мужа описываются в основном в *passé composé* (8 таких форм в разных эпизодах). Однако все их действия при первой встрече с соседкой, которая изначально вызвала у героев брезгливое чувство и насмешку, описаны в *passé simple*, поскольку спустя год повествователь уже не соглашается с такой оценкой и воспринимает эту реакцию отстраненно (5 таких форм в этом эпизоде, 21 во всем тексте романа):

- (10) Nous assistâmes à une querelle conjugale du troisième type.
(11) Peu à peu, nous identifiâmes un son <...>.

Все изложенные выше соображения позволяют нам связать выбор той или иной формы в нарративном тексте композиционного «ядра» романа с фигурой повествователя и его отношением к рассказываемой истории. Исследователи не-

однократно отмечали эту «субъективность» *passé composé*: к примеру, П. Шародо утверждает, что *passé composé* называет события, близкие к «настоящему» говорящего, а *passé simple* – события, далекие от него. Важно, что речь идет не о хронологической, а о психологической дистанции между фактами прошлого и моментом речи: по мысли ученого, «эта иерархия... скорее отражает психологическое (следовательно, субъективное) воздействие, которое эти события оказывают на говорящего во время его рассказа» [Charaudeau 1992: 468].

Представляется, что именно это явление мы наблюдаем в тексте романа «Les Catilinaires», причем во всех его композиционных частях. С одной стороны, события первой части «рамки» находятся дальше на оси времени от момента речи, чем взаимодействие четы Азель с соседями, однако они ближе к сфере «актуального» для повествователя, теснее связаны с его «настоящим», тогда как история с соседом воспринимается как чужеродный и поэтому далекий от счастливого «настоящего» элемент в жизни пары. С другой стороны, их совместная жизнь, разумеется, не прерывалась и во время знакомства с соседом, и те моменты, когда между героем и его женой царил согласие и они действовали сплоченно, мысленно выделяются повествователем на фоне «плана истории» как более близкие к их нынешнему (и обычному, если не считать того периода, в который укладывается «ядро» романа) состоянию, что и накладывает отпечаток на выбор *le temps du récit*.

В уже упоминавшемся эпизоде знакомства с соседкой нам встретился наиболее трудно объяснимый и поэтому особенно любопытный случай употребления *passé composé* в композиционном «ядре» текста:

(12) Ce *fut* alors que je *remarquai* le ruban bleu ciel avec lequel on – Palamède, sans doute – avait noué quelques mèches de ses cheveux. Cette coquetterie *vint* à bout de ma résistance: je *me suis mis* à hoqueter d’une manière pitoyable, maladive.

Форма *je me suis mis à hoqueter* стоит особняком в окружении глаголов в *passé simple* и никак не связана с совместными действиями героя и его супруги. Трудно предположить, что обозначаемое ею действие особенно актуально для повествователя в тот момент, когда он рассказывает свою историю, или что он дает этому действию положительную моральную оценку. Возможно, неожиданный выбор формы связан с тем фактом, что физиологические процессы иногда запоминаются крепче и ярче любых внешних событий именно в силу своего телесного характера: когда повествователь описывает эту сцену, неудержимая икота вспоминается ему так живо и отчетливо, что он актуализирует, «приближает» ее к моменту речи с помощью формы *passé composé*. Эта гипотеза, как и наши рассуждения по поводу других приведенных выше контекстов, перекликается с мыслью Э. Бенвениста о том, что «перфект устанавливает живую связь между событием, произошедшим в прошлом, и настоящим моментом, когда об этом событии рассказывается» [Benveniste 1966: 244].

Проведенное исследование позволяет предположить, что употребление форм *passé composé* и *passé simple* в тексте романа «Les Catilinaires» свидетельствует, во-первых, об их четком противопоставлении по аспектуальным признакам завершенности / незавершенности, а во-вторых – о возможной оппозиции этих форм по признаку делимости / неделимости. Различные оттенки аспектуальной семантики простого и сложного прошедшего формируют комплексное противопоставление, которое представляется нам связанным с «выражением актуальности / неактуальности действия для момента речи» [Гак 2000: 358]. Эта семантическая оппозиция наиболее явно прослеживается в нарративном тексте современного ху-

дожественного произведения, где не только возможно, но и частотно употребленние обоих прошедших времен, вследствие чего такие тексты могут стать крайне перспективным объектом для аспектологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А., Буланин Л. Русский глагол. Пособие для студентов и учителей. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.

Гак В. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.

Barbazan M. Le temps verbal. Dimensions linguistiques et psycholinguistiques. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2006. 470 p.

Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Vol. 1. Paris, 1966. 356 p.

Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette, 1992. 927 p.

Curat H. Morphologie verbale et référence temporelle en français moderne: Essai de sémantique grammaticale. Genève: Droz, 1991. 337 p.

Denis D., Sancier-Chateau A. Grammaire du français. Paris: Livre de poche, 1994. 545 p.

Genette G. Figures. 3. Paris, 1972. 285 p.

Gosselin L. Sémantique de la temporalité en français: Un modèle calculatoire et cognitif du temps et de l'aspect. Louvain-la-Neuve: Duculot, 1996. 291 p.

Guillaume G. Temps et verbe: Théorie des aspects, des modes et des temps. Paris, 1965. 134 p.

Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne: Essai de grammaire descriptive. Paris: Klincksieck, 1968. 269 p.

Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris, 2009. 1107 p.

Touratier C. Le système verbal français. Paris: Armand Colin, 1996. 253 p.

REFERENCES

Barbazan M. (2006) Le temps verbal. Dimensions linguistiques et psycholinguistiques. Toulouse. Presses Universitaires du Mirail. 470 p.

Benveniste E. (1966) Problèmes de linguistique générale. Vol. 1. Paris. 356 p.

Bondarko A., Bulanin L. (1967) Russian Verb. Leningrad. Prosveshcheniye Publ. 190 p.

Charaudeau P. (1992) Grammaire du sens et de l'expression. Paris. Hachette. 927 p.

Curat H. (1991) Morphologie verbale et référence temporelle en français moderne: Essai de sémantique grammaticale. Genève. Droz. 337 p.

Denis D., Sancier-Chateau A. (1994) Grammaire du français. Paris. Livre de poche. 545 p.

Gak V. (2000) A Theoretical Grammar of the French Language. Moscow. Dobrosvet Publ. 832 p.

Genette G. (1972) Figures. 3. Paris. 285 p.

Gosselin L. (1996) Sémantique de la temporalité en français: Un modèle calculatoire et cognitif du temps et de l'aspect. Louvain-la-Neuve. Duculot. 291 p.

Guillaume G. (1965) Temps et verbe: Théorie des aspects, des modes et des temps. Paris. 134 p.

Imbs P. (1968) L'emploi des temps verbaux en français moderne: Essai de grammaire descriptive. Paris. Klincksieck. 269 p.

Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. (2009) Grammaire méthodique du français. Paris. 1107 p.
Touratier C. (1996) Le système verbal français. Paris. Armand Colin. 253 p.

Сведения об авторе:

Мария Владимировна Орлова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Orlova
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mriaorlova@gmail.com